

М. Хенцельманн

*Гамбургский университет
Гамбург, Германия
e-mail: martin.henzelmann@uni-hamburg.de*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ПО ОХРАНЕ КЛИМАТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В настоящей статье с точки зрения российской лингвистики рассматривается сложность специального перевода международных документов, которые относятся к охране климата. Анализируются проблемы специальной терминологии и ее передачи в русском языке на примере актуальных документов.

Ключевые слова: Специальная терминология; специальный перевод; охрана климата; международные соглашения; русское языкознание

M. Henzelmann

*University of Hamburg
Hamburg, Germany
e-mail: martin.henzelmann@uni-hamburg.de*

INTERNATIONAL AGREEMENTS ON CLIMATE PROTECTION FROM THE POINT OF VIEW OF RUSSIAN LINGUISTICS

In this paper, I highlight the problem of professional translation from the point of view of Russian linguistics, and in the context of international documents related to climate protection. A set of recent documents is examined to provide specifics in the field of professional terminology and its rendering in Russian.

Key words: Professional Terminology; Professional Translation; Climate Protection; International Agreements; Russian Linguistics

В последние десятилетия многочисленные экономические и геополитические субъекты поднимали вопрос о том, какие глобальные стратегии должны быть положены в основу охраны окружающей среды и обеспечения экологической устойчивости в мире. Охрана окружающей среды играет важную роль в международных торговых соглашениях; она как бы интегрирована в качестве стратегии действий в рамках экономической экспансии. Независимо от того, как она реализуется на практике, у предприятий в результате возникает чувство ответственности. Более того, разрабатываются концепции, на которые должны ориентироваться целые государства, чтобы внести свой вклад в защиту окружающей среды. Следствием этого является необходимость разработки совместных документов, которые могут послужить основой для ратификации в соответствующих государствах. Например, в последние годы появились «По-

вестка дня на XXI век», Киотский протокол и Парижское соглашение, которые направлены, в частности, на сокращение выбросов парниковых газов во всем мире.

Такие документы должны быть переведены на все языки, которые являются официальными языками государств-участников. Поэтому в центре внимания, как и в случае со всеми переводами официальных документов, стоит вопрос о том, какие формулировки наиболее подходят для того, чтобы сделать правильный выбор специальных терминов в отношении смысла и цели. Это далеко не беспроблемно, как уже было установлено и широко обсуждается в международных исследованиях. В случае с русским языком, подход к проблеме означает рассмотрение различных комплексов вопросов, которые необходимо учитывать при поиске адекватных и эквивалентных формулировок.

Юридический перевод является очень сложной сферой, потому что необходимо учитывать многочисленные факторы, которые, с одной стороны, влияют на понимание текста, а с другой стороны, обусловлены особенностями конкретной правовой традиции. В этом смысле переводчик должен обладать очень точными знаниями в двух отношениях: во-первых, он должен владеть специальной терминологией, распространенной на языке оригинала и на языке перевода, а во-вторых, он должен обладать, по крайней мере, базовым пониманием правовых основ и того, как они представлены в различных правовых системах [1, с. 135]. Таким образом, он может прибегнуть к соответствующей стратегии, обеспечивающей адекватный перевод, отвечающий лингвистическим и культурным требованиям языка перевода. Иными словами, процессу перевода предшествует процесс понимания, поэтому перед переводчиком первостепенно стоит та же задача, что и перед юристом [1, 135–136].

В немецкоязычном пространстве Радегундис Штольце, в частности, приложила интенсивные усилия по исследованию герменевтических стратегий, которые позволяют адекватно передать юридический текст на другом целевом языке. По ее мнению, идеальный подход заключается в поиске точных эквивалентов в языке перевода, а в худшем случае – в работе с прямыми заимствованиями. В целом, ее подход может быть представлен следующим образом [адаптировано из 2, с. 273]. Для юридического текста желательно сначала найти буквальный перевод концепта или калькированное заимствование. Если эти опции невозможны, следует найти широкоиспользуемую и понятную альтернативу, то есть термин, распространенный в языке перевода и отражающий концептуальное содержание термина в языке оригинала. Если это также неосуществимо, остается использование более общего выражения (гиперонима) с экспликативным дополнением. Наконец, Р. Штольце рассматривает такие формы перевода,

в которых первоначальное оригинальное выражение остается видимым, а именно, когда оно добавляется к термину на целевом языке в скобках для четкого фиксирования предмета референции, когда оно указывается в примечании или заимствуется непосредственно как неологизм для подчеркивания его специфичности. Таким образом, Р. Штольце представляет существенную классификацию подхода к переводу, которая направлена, прежде всего, на отображение смыслового содержания слова в конкретном контексте.

Рассмотрим некоторые примеры, свидетельствующие о сложности перевода международных соглашений по изменению климата. Так, „Повестка дня на XXI век“ [3] стала руководством по устойчивому развитию в XXI веке после состоявшейся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро конференции по климату. Организации, правительства и другие группы, принадлежащие к Организации Объединенных Наций, использовали его для поддержки плана действий, которые должны быть реализованы во всем мире. Главной задачей данного документа является обеспечение надлежащего использования сырья, гарантируя при этом высокое качество жизни [4, с. 230]. Ключевым аспектом при разработке документа является то, что он должен формулировать социально-экономические концепции таким образом, чтобы представленный текст, по сути, служил улучшению экологической ситуации. К тому же нужно иметь в виду, что в дополнение к данному документу должны быть разработаны отдельные национальные планы по достижению поставленных целей, причем, как можно предположить, отдельные государства будут преследовать различные приоритеты на своих национальных уровнях. Таким образом, особенно важны меры, создающие соответствующие условия для их осуществления. Так, в подразделе 8.4.e мы читаем, что „обеспечение транспарентности в связи с экологическими последствиями экономической и секторальной политики играет ключевую роль. В русском переводе английского термина *transparency* ‚прозрачность‘ переводчик выбрал вариант *транспарентность* вместо лексем *открытость* или *прозрачность*. В английском языке *прозрачность* означает открытость одного учреждения по отношению к другим, но сам термин лишь смутно изложен в юридическом смысле [5, с. 888–889]. В русском языке *транспарентность* также не является однозначным термином в юридическом плане, на что указывает Павел Манченко: *Транспарентность* может относиться как к политическому, так и к социальному положению вещей. По своему политическому значению она подразумевает *открытость* и *доступность* для граждан целей, их реализации и результатов политических действий. В социальном смысле этот термин означает максимально *открытую информационную кампанию* [6]. Выбор не совсем ясного английского заимствования в

русском переводе можно объяснить тем, что оно позволяет очень широкое толкование термина в его правовом применении.

Ситуация усложняется, когда используются более старые термины, которые уже укоренились в правовой традиции и ассоциируются с определенными идеями. Это иллюстрирует пример из Парижского соглашения 2020 года, в котором говорится о *климатической справедливости* (в оригинале *climate justice*), которая должна быть установлена. В „Стэнфордской философской энциклопедии“ мы находим очень длинную статью об этом термине, написанную Саймоном Кейни. Из нее следует, что мы имеем дело с чрезвычайно сложным механизмом, который затрагивает нормативные, социальные и экономические взаимосвязи и предусматривает перераспределение прежнего воздействия на окружающую среду. Цель состоит в том, чтобы создать концепцию действий с особым фокусом на интринсических ценностях окружающей среды, поскольку „*climate ethics, one might say, includes more than justice*“ [7]. В целом, стоит вопрос о сложном комплексе мероприятий, которые необходимо принять для обеспечения международного баланса с точки зрения загрязнения окружающей среды за счет использования чистой энергии. Однако, термин *справедливость* в русском языке приобретает иную трактовку, т.к. справедливость в меньшей степени регулируется законодательной сферой и в большей степени неразрывно связана лично с главой государства [8, с. 31–39]. Если же о справедливости говорится в отношении климата, то термин *справедливость* в России рискует потерять свою привязанность к лицам, которые не являются ни политически, ни экономически активными. Таким образом, вопрос заключается в том, кто должен на практике участвовать в обеспечении „климатической справедливости“ или извлекать из этого пользу. Для тех, кто активно участвует в политике, концепция справедливости сильно привязана к интерпретации главы государства, что именно следует понимать и как должно быть достигнуто явление „справедливости“. Таким образом, возможный вывод заключается в том, что с точки зрения английского оригинального текста в направлении „климатической справедливости“ могут работать разные субъекты (и не обязательно политики), а негативное воздействие на экосистемы должно ограничиваться, в конечном счете, соответствующими законодательными актами. В российском же контексте сама терминология представляет собой проблему, так как она не может быть объяснена без указания правителей. Поэтому вопрос о том, каким образом „климатическая справедливость“ должна устанавливаться, осуществляться или поддерживаться, на первый взгляд остается весьма расплывчатым.

Проблема видения термина „климатической справедливости“ в российском контексте обсуждается философом Андреем Вячеславовичем

Прокофьевым в его статье 2011 г. [9]. Он отмечает, что в связи с полисемией термина *справедливость* в русском переводе было принято решение ссылаться только на более узкие семантические рамки и использовать нормативный термин *справедливость* в качестве семантического эквивалента английского слова *equity*. Однако А. В. Прокофьев также отмечает, что основная проблема остается, когда промышленно развитые страны ссылаются на ответственность всех стран и призывают их принять ограничения на выбросы уже из корыстных побуждений. При этом в долгосрочной перспективе подобная стратегия защиты окружающей среды приведет к снижению уровня жизни в бедных странах. Более того, запланированное влияние ограничит суверенитет этих стран. Но прежде всего, он возражает против того, что термин *справедливость* вводится вообще для того, чтобы морально узаконить любые проекты и наложить на Российскую Федерацию дальнейшую *ответственность* за будущее всего человечества! Андрей Вячеславович Прокофьев подчеркивает, что положительное развитие в одной области препятствует положительному развитию и процветанию в другой. В результате надвигающихся потерь в пользу сохранения климата общество столкнется с огромными неудобствами, причем во многом это будет зависеть от успешного сотрудничества с другими партнерами. Равенство между людьми и справедливость могут быть достигнуты, как утверждает А. В. Прокофьев, только в том случае, если будут использованы все существующие возможности и задействованы все потенциалы. Это важный момент для автора, особенно потому, что он тесно ассоциирует „климатическую справедливость“ с правами отдельных лиц на атмосферу. Однако, по его мнению, принципиально сомнительно, что на практике можно распределить природные вещества в атмосфере в равных долях между всеми актантами, если правовые притязания на них не конкретизированы в нормативных актах. В конце концов, А. В. Прокофьев отмечает, что велись бесчисленные дискуссии о содержании Парижского соглашения, которое должно определять конкретную стратегию и порядок осуществления определенных мер по смягчению последствий изменения климата. Вывод заключается в том, что в России пока окончательно не решен вопрос о том, как государство будет позиционировать себя в отношении необходимых мероприятий. Тем не менее, в его статье однозначно говорится об экономических аспектах, поскольку Россия критически относится к ограничению экономических структур, которые она создала с большими усилиями в некоторых случаях. Это привело бы не только к снижению государственной экономики, но и уровня жизни населения (а именно этого нужно избежать!). В результате такой трактовки может сложиться неправильное впечатление, что Парижское соглашение требует от России ограничения уровня жизни своего

населения. Таким образом, с российской точки зрения „климатическая справедливость“ может рассматриваться как очень размытое, неясное понятие, которое само по себе кажется непоследовательным и вводящим в заблуждение, а также неспособным примирить повышение уровня жизни с одновременным повышением качества климата [4, с. 140–161]. *Климатическая справедливость* как российский эквивалент английского термина *climate justice* представляет собой несбалансированную передачу категории и, в конечном счете, также является попыткой терминологического выравнивания русской и английской юридических языковых традиций. На основании вышеизложенного представляется, что с точки зрения русской лингвистической традиции термин *справедливость* не только весьма неудачно выбран, но к тому же неточно и непонятно передает смысл английской словарной статьи *climate justice*.

Очевидно, что при русскоязычном переводе международных соглашений в области охраны климата необходимо учитывать множество сложных взаимосвязей. Они должны распространяться не только на лексическую семантику специальной терминологии, но и на культурно-семиотические аспекты и, прежде всего, на экономические условия в Российской Федерации, чтобы оказаться правдоподобными эквивалентами в русском словоупотреблении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Bağajewska-Miglus, E. Tłumaczenie prwane i prawniczne jako szczególny rodzaj tłumaczenia specjalistycznego / E. Bağajewska-Miglus, J. Dudicz // *Język(i) w prawie. Zastosowania językoznawstwa i translatoryki w praktyce prawniczej* / pod red. E. Kubicka, L. Zieliński, S. Żurowski. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2019. – С. 125–151.
2. Stolze, R. *Praxishandbuch Urkundenübersetzung. Fertigkeiten, Terminologie, Rechtssprache* / R. Stolze. – Tübingen : Stauffenburg, 2014. – 397 S.
3. Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf. – Дата доступа: 23.01.2021.
4. Ерофеев, Б. В. Экологическое право России : в 2 т. / Б. В. Ерофеев. – 25-е изд. – М. : Юрайт, 2018. – Т. 2 : Особенная и специальная части. Учебник для академического бакалавриата. – 284 с.
5. Fenster, M. The Opacity of Transparency / M. Fenster. – 91 *Iowa Law Review*, 2006. – P. 885–949.
6. Манченко, П. А. Транспарентность (открытость) деятельности государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и государствах Европы. [Электронный ресурс] / П. А. Манченко // Статьи по предмету Муниципальное право. – Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=13&art=3431>. – Дата доступа: 23.01.2021.

7. Caney, S. Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс] / S. Caney, C. Justice. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/justice-climate>. – Дата доступа: 21.01.2021
8. Woldt, C. Normativität als linguistische Schnittstelle. Untersuchungen zum russischen Gerechtigkeitsdiskurs / C. Woldt. – München : Verlag Ferdinand Schöningh, 2013. – 217 S.
9. Прокофьев, А. В. Климатическая справедливость: российский контекст / А. В. Прокофьев // Этическая мысль. Ethical Thought. – 2019. – № 11. – С. 140–163.